

РАЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП КУЛЬТУРЫ: ФЕНОМЕН УСКОЛЬЗАЮЩЕГО БЫТИЯ

*В.Ф.Мартынов, доктор культурологии,
профессор, Белорусский государственный
университет культуры и искусств*

Человечество движется во времени и пространстве, успешно преодолевая многочисленные препятствия, адаптируясь к условиям земной жизни, целенаправленно овладевая силами природы, накапливая неисчерпаемый потенциал знаний. Однако в недрах мировой культуры отражено фундаментальное возрастающее беспокойство по поводу будущего.

Уже в мифологических культурах зарождаются тревога, неудовлетворенность в процессе продвижения человека по пути прогресса. Общая идея, которая объединяет архаическое общество разных регионов, – утрата человеком “золотого века” как абсолютно гармоничного состояния. Это представление достаточно полно отражено в поэме Гесиода “Труды и дни”. По Гесиоду, первое поколение людей наслаждалось полным блаженством: “Жили те люди, как боги, со спокойной и ясной душой, горя не зная, не зная трудов. И печальная старость к ним приближаться не смела”. Но затем начинается нисхождение: наступает век серебряный, потом медный. Четвертым был век героев (в этот период люди уже активно воюют). И, наконец, наступает железный век – самый жестокий, испорченный, дисгармоничный.

О серьезных проблемах, связанных с духовным развитием человека будущего, писали Монтень, Руссо, Шеллинг, Шиллер, Ницше, Шпенглер, Гуссерль, Кассирер, Зиммель, Бердяев, Булгаков, Федотов и многие другие. Глобальные деструктивные процессы в обществе XX в. в полной мере подтвердили самые пессимистические пророчества и прогнозы.

И хотя исторический опыт (гуманистический капитал, научный багаж) накануне XX в. был как никогда грандиозен и основателен, трагедийности избежать не удалось. Более того, цивилизация XX ст. оказалась вовлеченной в массовые преступления, тиражируя низменные типы существования. Не случайно именно в XX в. родилось такое понятие, как мегасмерть (т.е. не имеющие прецедента в истории человечества масштабы убийства). С начала

нашей эры по XIX в. в европейских войнах погибло меньше людей, чем в двух мировых войнах XX ст.

Каковы главные причины эпохальных коллизий, конфронтаций, личностных потрясений в человеческой жизни?

Библейская история о грехопадении как одно из самых значимых прозрений позволяет ответить на многие сложные вопросы, отражающие противоречивое движение человечества к прогрессу. Именно здесь в символической форме указывается на фундаментальный грех, который когда-то совершил и продолжает совершать человек. Однако самое удивительное заключается в том, что, реагируя на вторичные, производные прегрешения (не лги, не прелюбодействуй и т.д.), человек фактически не осознает исходный, первородный грех, который порождает все остальные. Вот почему в первую очередь необходимо попытаться понять: в чем заключается смысл и опасность этого изначального греха и почему произошла утрата состояния первозданной гармонии?

Чаще всего в интерпретации сюжета о грехопадении акцент делается на то, что человек слушался Бога, усомнился в его правоте, не подчинился и потому утратил состояние рая, погрузившись в трагедийное существование. Однако проблема гораздо сложнее. Можно предположить, что смысл грехопадения (когда человек нарушил запрет и вкусил плоды древа познания добра и зла) заключается в “падении человека в мысль”, а точнее – в интенсивной тотальной рефлексии в познании сокровенного, сакрального, духовного.

Во-первых, мыслящий неизбежно отрывается от непосредственного, уникального, самобытного. Ведь мышление основано на схематизации, абстрагировании, идеализации, обобщении, унификации. Оно тяготеет к усредненности. В результате создается огромная дистанция между миром слов, понятий, определений и неповторимым многообразием конкретного, непрерывно изменяющегося бытия. Например, слово “роза” только в самых общих чертах передает качественные характеристики сотен миллионов реально существующих уникальных роз, непосредственный контакт с которыми способен вызвать в человеке богатейшие переживания. Или информация о том, что “в Юго-Восточной Азии во время цунами погибло 220 тысяч человек”, не в состоянии передать даже малой толики той боли, которую принесло это стихийное бедствие.

И так как мыслящий человек начинает жить в отраженной, схематизированной, искусственной реальности, в мире знаковых систем (слов, метафор, формул, артефактов и т.д.), все глубже погружаясь в мыслеформы, он теряет контакт с первоизданностью сущего. Мысль (даже самая глубокая) – это всегда ограничение бытия, так как вербальный мир представляет собой только копии, тени подлинного богатства существующего. Человек приучается мыслить о бытии, утрачивая потребность просто быть, созерцая неисчерпаемую красоту Вселенной, чувствуя трепетность явленного. Так незаметно происходит подмена бытия мыслительными конструкциями. Как замечает Ф.М.Достоевский, знание законов счастья становится выше счастья.

Во-вторых, мышление – это всегда концентрация, избирательность, точечность. Мыслящий рассекает Целое, Единое с целью выявления сущностных характеристик. Так формируется сегментное, разорванное пространство, ибо в процессе мышления человек оказывается в плену односторонности, однобокости, предавая забвению полноту бытия. Известно, что целое больше суммы частей. Анализируя части, мыслящий знает только относительное, выпадая из мира красоты, так как красота есть целое, единое. Красота как раз и является тем “большим”, что неизбежно теряется в процессе рассечения, дробления мира на части. Разрывая контекст с мировой гармонией, человек лишается гармонии душевной.

В рассказе Г.Гессе “Ирис” юный герой по имени Ансельм живет в абсолютной гармонии с миром природы, глубоко переживая тайну упоительного единства с цветами, небом, ветром. Аромат и пронзительная голубизна его любимого цветка ириса стали для Ансельма зовом и ключом к творению. Но вот главный герой взрослеет, становится знаменитым ученым. И однажды с удивлением отмечает: истинного счастья, радости в том, что он стал известным ученым и его почитают горожане, в душе нет. Первоизданное обаяние мира под грузом научных знаний исчезло. Он более не способен читать повести в прожилках листьев, которые светятся на солнце, его не волнует тайна любимого цветка – ириса. Рассудочная связь с миром оказалась намного беднее, примитивнее, вытеснив богатство непосредственных впечатлений и переживаний. Возможно поэтому Ч.Дарвин в своей автобиографии замечает, что утрата чувства красоты равносильна утрате счастья.

В-третьих, наивысшая степень концентрации мыслительных способностей человека осуществляется в науке как приоритетной форме освоения мира в современной цивилизации. И наука – это неизменное стремление к объективизации, это увлеченность внешним миром, это попытка максимальной “нейтрализации” субъекта (т.е. человека) во имя поиска объективной истины. Вот почему человек в научной картине мира становится “вещью среди вещей”, вытесняясь на периферию познания. Мир науки – это мир “нейтрального” пространства, где нет симпатий, любви, сопереживания, сострадания, добра и красоты.

Не случайно наука породила множество серьезнейших проблем. Одна из них заключается в том, что объем накапливаемых знаний, которые необходимо осознавать человеку, стремительно растет. Поэтому во всех сферах культуры знания начинают “сворачиваться” до уровня информации, становясь компактными, удобными для восприятия, но далекими от души. Информация есть обездушенное знание. И самая опасная тенденция современной цивилизации заключается в том, что информация все активнее и увереннее вытесняет культурный опыт, вне которого невозможно формирование человека гуманного, духовного, нравственного. Весьма характерно, например, что сегодня многие литературные произведения школьники познают сугубо в информационном, “свернутом” виде (т.е. в кратком изложении, которое отражено в специальных учебных пособиях).

Другая проблема связана с тем, что мышление неизменно продуцирует плюралистическое видение одного и того же объекта, и человек погружается в противоречивое, запутанное, релятивистское информационное поле, где зло нередко представлено как добро.

В-четвертых, рефлексия – это всегда остановка во времени, разрыв контакта с данным мгновением, так как мыслящий обращен либо к прошлому, либо к будущему, выстраивая программу предполагаемых действий. И, следовательно, в этот момент происходит утрата контакта с текущим мгновением, с данностью. Рефлексия всегда запаздывает, ибо мысль – это фиксация, остановка, а жизнь – это всегда движение. Как заметил Гераклит, в одну и ту же реку нельзя войти дважды. А его последователь Кратил уточнил, сказав, что в одну и ту же реку нельзя войти и единожды. Мир настолько быстротечен. Более того, упуская мгновение, человек упускает Вечное, ибо Вечность есть не что

иное, как глубоко прочувствованное мгновение. Тот, кто ценит мгновение, знает вкус Вечности.

Может показаться парадоксальным, но вхождение в пространство рефлексии (по Библии) начинается тогда, когда Бог поручает человеку дать имена “животным полевым и птицам небесным”, наречь их. Так пробуждается мысль. Так происходит первое Великое расщепление на объект и субъект, разъятие Целого, синкретичного. Единое, отраженное в бытии неисчерпаемого количества явлений, становится для мыслящего простой совокупностью объектов, суммой различных сущностей. Человек получает возможность манипулировать внешним миром. И в конечном итоге природа становится для него не столько объектом удивления, восхищения, сколько предметом научных и практических манипуляций. Теперь это молекулы ДНК, РНК, плазма, нейтрон, протон, нуклон, а также уголь, газ, нефть, различные материалы.

Затем происходит второе Великое расщепление, более глубокое, более значимое, с которым и связано рождение фундаментального греха. По Библии, это случается в тот момент, когда человек отведал плоды древа познания добра и зла. Второе Великое расщепление фиксирует состояние раскола уже в самом человеке на объект и субъект.

С этого времени человек становится объектом для самого себя (“и открылись глаза у них, и узнали они, что наги”). Приобретение этого нового качества внесло фундаментальное беспокойство в жизнь человека, ибо он увидел неизбежность собственной смерти (и прежде всего увидел себя как тело), старость, возможность опасных болезней, неизбежность ухода близких людей, одиночество и многое другое, чего просто не существует без рефлексии. Так рождаются переживания страха, ужаса, горечи, отчаяния, разочарования, душевной боли, пессимизма. Для человека стали возможны самоубийства (ежегодно более десяти миллионов людей на земле совершают попытки суицида), немотивированные преступления и масса других манипуляций, в основе которых лежит гипертрофия той или иной мысли.

Таким образом, поскольку мышление – это всегда дистанцирование, разрыв, удаление от неисчерпаемого богатства бытия, от собственной глубины, то так утверждается приблизительность отражаемого в человеческом мышлении мира. Ибо мысль есть вечное приближение к реальности, вечное кружение вокруг

сокровенного, заветного, сакрального. Не случайно наука как идеал чистого мышления, чистой мысли, проникая все дальше и дальше в тайны бытия, накапливая все больше знаний, порождает новые, еще более сложные вопросы. И в конечном итоге именно наука погружает человека в антиномичное, противоречивое пространство знаний. Все это приносит неудовлетворенность, разочарование, рождает ощущение абсурдности существования. Переживание личностной гармонии становится хрупким, зыбким, довольно редким состоянием, к которому все труднее пробиться в потоке мыслительного хаоса.

На теоретическом уровне интенсивная рефлексия также приводит к неопределенности, противоречивости, аморфности. Эта ограниченность мышления была зафиксирована Сократом. Когда дельфийский оракул провозгласил его самым мудрым человеком, Сократ произнес свою знаменитую фразу: “Я знаю, что я ничего не знаю”. Древнегреческий мыслитель Пиррон утверждал, что все философы почти во всем противоречили друг другу, невольно тем самым доказывая, что мы не можем знать, что такое мир. Всякая вещь есть “это” не в большей степени, чем “то”.

На социокультурном уровне культ рефлексии привел человека к построению самой бездушной – техногенной цивилизации, в рамках которой были уничтожены сотни миллионов людей. Нарастающая сила мышления создает угрозу уничтожения человеческого рода. Следовательно, диктатура мышления порождает три основные формы отчуждения: 1) человека от перводанности бытия (что является главной причиной уничтожения мира природы); 2) человека от человека (что порождает массовое уничтожение человека человеком); 3) человека от самого себя (ибо человек не знает своей собственной глубины, внутренней безграничности и поэтому появляется питательная среда для пессимизма, страха, отчаяния).

Абсолютное доверие человека к возможностям мышления есть самая великая иллюзия, за которую общество и каждый индивид постоянно расплачиваются. Человеку только кажется, что благодаря мыслительной энергии общество продвигается вперед, познавая мир, реализуя стремление к прогрессу. На самом деле движение с помощью мысли – это движение количественное, пространственное, а не качественное, ибо человек не познает самого себя, запутываясь в лабиринтах сиюминутных, второстепенных знаний о внешнем мире.

Как человеку вернуться к самому себе, в лоно целостности, гармонии, красоты? Как преодолеть разрыв с бытием, ощутив абсолютное единство с Мирозданием?

Возвращение в Единое, в мир неизбежной гармонии, объединяющей многоликое, разнонаправленное, возможно не на основе нарастающей рефлексии (как частичного понимания), но благодаря развитию тотальной чувствительности, глубинного осознания, которое есть прямое, целостное, непосредственное знание, отражающее синкретизм бытия, преодолевающее разделенность субъекта и объекта, человека и мира. Только тогда человек откроет пространство непреходящей красоты, которая потенциально присутствует даже в глубинах хаоса. А сила красоты может коренным образом изменить устойчивое негативное мировоззрение личности, погружая в безграничный мир любви.

В рассказе Мопассана “Лунный свет” главный герой, священник Мариньян, представляет собой рассудочный тип личности. Его вера в Бога отличалась определенностью, логичностью. Он твердо знал, что постиг сущность Творца, проник в его промысел, намерения и предназначения. Он был убежден, что утренние зори созданы для радостного пробуждения, летние дни – чтобы созревали нивы, дожди – чтобы их орошать, вечера – для подготовки ко сну, а темные ночи – для мирного сна. Живя в логически выверенном пространстве, аббат Мариньян более всего чурался любых проявлений чувств и поэтому ненавидел женщин, так как его приводила в негодование эта потребность любви, вечно томившая душу женщины. У аббата была племянница, которую он старался воспитать в религиозном духе. И вот однажды ему доносят, что у племянницы роман и что каждую ночь она гуляет у реки со своим возлюбленным. Мариньян долго кипел от гнева и возмущения и решил самолично уличить влюбленных. Ночью он вышел из дома, подошел к реке и замер, пораженный благоухающей красотой. В лунном свете деревья отбрасывали тонкие узорчатые тени ветвей, куст жимолости разливал нежный аромат, соловей рассыпал мелодичные трели, над рекой серебрился туман. Зачем Бог создал все это? Если ночь предназначена для сна, зачем же она прекраснее дня? Зачем ночью столько волшебной красоты? Мариньян не находил ответа. И вдруг около реки он заметил две человеческие тени. Аббат узнал свою племянницу. И эта влюбленная пара была живым ответом, посланным Господом на его вопрос. Всем своим существом священник почувствовал, что такие волшебные ночи

созданы для любви. И он отступил перед этой обнявшейся четой. И бросился прочь, смущенный, почти пристыженный, словно украдкой проник в храм, куда ему запрещено было вступать.

Удивительную возможность гармоничного существования человека (что является страшно далеким от современной действительности, а потому и безмерно фантастическим) ощущал Ф.М.Достоевский. В рассказе “Сон смешного человека” он раскрывает образ Другой Земли, где люди живут в состоянии абсолютного единения с миром, друг с другом, благодаря развитым эмпатическим связям.

Грехопадение увело человека от познания тайны абсолютного единства с существованием, разрушило невидимые связи с совершенным строем Вселенной. Человек погрузился в сегментное, фрагментарное пространство. Он возвысился над животностью, победил притяжение частного, локального, но оказался во власти мозаичного, разорванного Безграничного, в мире вербальных структур, упуская Целое, всеобщую одухотворенность, гармонию.

Вместе с тем, однажды совершив и совершая до сих пор фундаментальную ошибку, человек остается по-прежнему свободным. Необходимо почувствовать, что мысль – вспомогательный инструмент, который не может открыть человеку значимость всеобщей одушевленности бытия, единое интимное пространство. Слишком долго человек доверял силе мышления, слишком далеко завела его рефлексия – в лабиринты вербального мира.

Только благодаря преодолению нарастающей рационализации сознания, развитию всеобъемлющей чувствительности к бытию, углублению целостного сознания можно избежать пленения мыслью, вернувшись в лоно вселенской красоты, гармоничных отношений, выстраивая эмпатический тип культуры.